

УДК 397.4
ББК 86.36-4

Заповедь или добродетель? Концепция мицвы в традиционной культуре евреев Восточной Европы

Валерий Аронович Дымшиц

(Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Доктор химических наук, ORCID ID: 0000-0002-1099-9917,

Researcher ID: C-2065-2016, научный сотрудник,

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

АНООВО «Европейский Университет в Санкт-Петербурге»:

Российская федерация, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1,
литера А, тел.: +7 (812) 386-76-37, E-mail: vodym1959@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2018.6

Аннотация: Понятие «мицва» было ключевым для «народного иудаизма» евреев Восточной Европы. Данные полевых записей, а также мемуарная и художественная литература позволяют понять, почему ключевое для иудаизма понятие «мицва» означало в общинах Восточной Европы, с одной стороны, «заповедь», а с другой – «доброе дело». Помогая осуществить заповедь бесплатно, человек «переводил» на свой «небесный счет» те деньги, которые в ином случае пришлось бы заплатить ритуальному специалисту. Эта концепция хорошо согласуется с представлением о добром деле как о доходе и о грехе как о расходе. Таким образом, деньги в еврейской культуре, как типичной городской культуре средневекового типа, выступают в качестве универсальной метафоры подсчета пороков и добродетелей.

Ключевые слова: *народный иудаизм, грехи, добродетели, деньги*

Эта статья представляет собой развитие идей, высказанных мной в работе «Грех сосчитанный, проданный и купленный (Концепция греха в народных сказках евреев Восточной Европы)» [Дымшиц 2000].

Обращение к словарям идиша позволяет увидеть, что слово «мицва» (מצוה) имеет два значения, почти взаимоисключающих: 1) заповедь; 2) доброе дело, благодеяние, богоугодный поступок, богоугодное дело [Тищенко 2013, 520]. Заповедь по определению представляет

собой обязанность что-то делать или не делать в обязательном порядке. Доброе дело – не обязанность, а проявление доброй воли человека. Человек, не переходящий улицу на красный свет, выполняет одну из «заповедей» правил дорожного движения, но не совершает никакого доброго дела в отличие от человека, который помогает перейти через улицу старушке и тем самым доброе дело совершает.

Разрешением парадокса «два значения слова “мицва”» служит весьма частотное в идише выражение «заработать мицву» («фардинен а мицве»). Именно с предложением «заработать мицву» один еврей обращается к другому, прося его о помощи или услуге. В статье о грехе на ряде фольклорных примеров было показано, что, с точки зрения «народного иудаизма», грехи человека записываются и подсчитываются с тем, чтобы быть ему предъявленными на загробном суде. Причем существенно то, что грех часто имеет конкретный денежный эквивалент, а поэтому может быть «не только сосчитан, но и оценен (в том числе в деньгах), не только искуплен, но и выкуплен и даже просто куплен» [Дымшиц 2000, 113]. Очевидно, что антонимом греха, то есть нарушения заповеди, является сама заповедь, то есть мицва. Именно концепция денежной оценки мицвы выступает первичной по отношению к концепции денежной оценки греха, порождает ее.

Денежный эквивалент мицвы, выраженный в словосочетании «заработать мицву», позволяет сопрячь концепт «заповеди» с концептом «доброе дела».

Вся жизнь человека от рождения до смерти – это длинный ряд событий, осуществление которых связано с реализацией различных заповедей. Вот неполный перечень таких событий: рождение, обрезание, обучение, сватовство, организация свадьбы и похорон. Для реализации этих житейских и в то же время религиозных (в иудаизме мирское и религиозное различаются слабо) событий и обязанностей существуют специалисты. Повитуха принимает роды, моэль обрезывает мальчика, меламед учит его в хедере, шадхн сватает, сарвер готовит для свадьбы, клезмеры и бадхен увеселяют жениха, невесту и гостей и т.д. Все эти специалисты осуществляют обряды и события жизненного цикла и тем самым помогают человеку, его семье и общине в целом выполнить различные заповеди. Услуги специалистов стоят денег, причем цена этих услуг, как и любая дру-

гая цена, складывается на рынке. То же самое относится к событиям годового цикла. Хазан ведет молитву, пуримшпилеры разыгрывают пьесы на Пурим, перед Пейсахом люди, объединившись в «подряд» ('артель для выпечки мацы', *идиш*), пекут мацу. Услуги этих специалистов также стоят денег.

Многочисленные образцы фольклора, художественной и мемуарной литературы, а также записанные в ходе экспедиций интервью свидетельствуют о том, что одной из форм деятельного благочестия было бесплатное осуществление тех или иных услуг из перечисленного списка, причем стоимость оказанной услуги «зачислялась» на небесный счет благотворителя. (Само существование такого счета обосновано в моей предыдущей статье, см.: Дымшиц 2000, 107.)

Характерным примером выглядит отрывок из мемуаров Е. Котика.

Брат деда Мордхе-Лейб всегда имел достаточный доход, но так как заработок бывал только по воскресеньям и во время ярмарок, то всю неделю он жил очень спокойно. По будням и в субботу он собирал у себя миньян, молились у него в основном простые люди, а он им и Тору читал, и молитвы вел, и в шофар трубил, а по субботам учил с собравшимися недельный раздел. <...>

Он был первым моелем в городе. Почти каждый день, с восьми утра и до полудня, он был в городе или в окрестных деревнях на обрезаниях, и там не пробовал с накрытого стола ни крошки и, тем более, не пил. Взять с собой кусок лекеха – это да. Этот кусок лекеха он всегда приносил домой для жены и детей: пусть хоть крошку попробуют с праздничного стола.

– Это – говаривал он, – мицва.

На праздниках в его собственной семье его делом было прислуживать за столом. И, готовясь к свадьбе или обрезанию, он суетился в поте лица, накрывая на стол, расставляя тарелки, а молодежь, парни и девушки, ему помогали. <...>

У него велось что-то вроде ссудной кассы для рыночных торговцев, а в долг он давал до двадцати пяти рублей. Мордхе-Лейбу приходилось занимать у других, чтобы дать в долг лавочникам [Котик 2009, 56].

Персонаж этого отрывка, имея независимый источник дохода, выполнял бесплатно обязанности хазана, моеля и сарвера. Кроме того, он выдавал беспроцентные кредиты. Такая деятельность называлась «гмилес хесед» и считалась очень важной мицвой. Характер-

но, что, совершая обрезания, Мордхе-Лейб не брал ни крошки со стола, чтобы угощение не выглядело символической платой. Он «накапливал» весь доход от исполненной заповеди на своем небесном счете. В то же время, забирая угощение для домашних, он приобщал их к другой заповеди – радости от того, что появился еще один еврей.

Наши полевые интервью свидетельствуют о том, что часто музыканты-любители бесплатно играли на бедных свадьбах, женщины из зажиточных семей брали на себя бесплатно обязанности повитух и т.п.

Часто мицву «зарабатывали», помогая ученикам городской талмуд-торы, то есть детям из неимущих семей.

По субботам габаи (старосты талмуд-торы) приводили ученых людей, чтобы те проверили детей [Котик 2009, 70].

Практика добровольного «учения» детей была очень характерна. Например, мемуарист, описывая жизнь в белорусском местечке Улла в начале XX в., сообщает:

Бывало остановит меня старый еврей: «А что ты сегодня учил? А ну, расскажи!» И если я рассказываю толково, он сияет от радости, а если я ничего не в состоянии сказать, он дает мне увесистую пощечину. И жаловаться я не посмею: все уляне (а мои родные тем более) будут на его стороне. Подумать только: старый, полуголодный человек интересуется не тем, что ему поесть, а тем, что я сегодня учил и чему научился [Альтман 1995, 291].

Характерно, что случайный прохожий ведет себя как профессиональный меламед, то есть считает возможным своего окказионального ученика и поощрить, и наказать.

Часто представление о «зарабатывании мицвы» приводило к осознанному отказу от должности раввина, точнее, к ее выполнению на благотворительной основе. Еще один мемуарист сообщает о своем деде:

Дед вел обширную переписку, будучи крупным знатоком Закона, он получал много запросов от различных раввинов по поводу разных случаев и событий, он консультировал, толковал, разъяснял и комментировал. Кроме того, он получал авторские экземпляры от многих, печатавших свои труды, и давал о них отзывы, оспаривая то, с чем он не согласен, и подчеркивая особенно удачные места.

Дед и сам находил время для творческой работы. Он издал несколько печатных трудов. Будучи глубоким эрудитом Закона, дед упорно отказывался от занятия поста раввина и предпочитал жить скромной жизнью убогого бедняка. Он много раз отказывался от очень заманчивых предложений. Его приглашали в Екатеринослав, приезжали к нему из Киева, из Ровно, приглашение поступило даже из Петербурга, он каждый раз категорически отказывался от предлагаемой чести. Причина отказа следующая: в писании имеются два мудрых изречения: «Люби труд и отвергай раввинство» и «Не превращай (знание) в топор для пользования» (в своих целях)¹ [Райзе 2005, 13–14].

Аналогичную историю мне рассказали в г. Могилеве-Подольском. По словам информантки, ее прадедуска не хотел быть раввином, чтобы не брать деньги за Тору. Однажды на ярмарке в Каменце-Подольском он урегулировал тяжбу, которую долго не могли разрешить самые ученые раввины, причем обе стороны остались довольны. Прадедуске заплатили большие деньги, а он отдал их бесприданнице, чтобы она вышла замуж [Полевой архив Центра «Петербургская иудаика», запись 2004 г.].

Герой рассказа выполняет обязанности главы раввинского суда, а гонорар тратит на бесприданницу, помогая ей выйти замуж, и, таким образом, «зарабатывает» две мицвы сразу.

Одной из самых физически тяжелых работ, на которые для заработка привлекали бедных, была выпечка мацы. У нас есть многочисленные свидетельства того, что представители элиты, люди богатые и ученые, также участвовали в изготовлении мацы (естественно, бесплатно) и тем самым «пополняли» свой небесный счет.

Местные хасиды хотели использовать для пасхальной муки «маим шелану»², то есть воду, которую черпают только после захода солнца,

¹ Афоризмы из мишнаитского тактата «Авот» («Отцы»). Первый обычно переводят как «Люби труд, отвергай высокое положение» (Авот 1:10), но перевод «отвергай раввинство» тоже возможен. Второй – вольное переложение известного высказывания «Не делай из слов Торы корону, чтобы возвысится, ни мотыгу, чтобы копать» (Авот 4:5).

² Существует обычай готовить мацу, предназначенную непосредственно для седера, накануне Пейсаха. В конце дня, предшествующего кануну Пейсаха, после захода солнца, но раньше наступления ночи, идут за водой к колодцу, роднику или реке. В это время вода в них наиболее холодная. Воду оставляют на ночь. Все это делают для того, чтобы когда на этой воде будут замешивать тесто, оно не скисло. Эта вода называется «маим шелану» ('вода, которая переночевала', др.-евр.).

они запрягли лошадь, поставили на телегу пасхальный бочонок, поехали на ближайшую речку и начерпали там воды [Зингер 2013, 47].

Свидетельство об участии элиты местечка в производстве мацы есть у таких авторитетных мемуаристов, как Е. Котик [Котик 2009, 58–59] и П. Венгерова [Венгерова 2003, 41].

Таким образом, несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что мицва – это заповедь, когда ее осуществлял профессионал за деньги, и доброе дело, когда эту же самую работу выполнял «любитель» задаром. Неполученная им плата поступала на его небесный счет и там аккумулировалась. Можно сказать, что идея непрерывно ведущегося на небесах списка грехов и мицвот (подробнее об этом списке см.: Дымшиц 2000, 114) породила в народном сознании представление о «бухгалтерии», которую Всевышний ведет для каждого человека, своего рода личном счете с доходами (мицвот) и расходами (грехами), причем и то и другое имеет денежное выражение.

Представления о «небесной бухгалтерии» достаточно давние и поддержаны целым рядом авторитетных и популярных сочинений. Их выражением стала концепция «хешбон нефеш» (расчет или отчет души). Это выражение было обычным для иудейской средневековой моралистической литературы. Особенно популярным оно стало благодаря испанскому моралисту и философу-неоплатонику Бахья ибн Пакуда (ок. 1050 – ок. 1120), чье ключевое сочинение «Обязанности сердца» было переведено на идиш и стало массовым чтением, особенно среди образованных женщин. В книге «Обязанности сердца» целая глава так и называется – «Хешбон нефеш». Бахья пишет: «Хешбон нефеш включает в себя понятие задолженности человека Создателю за все блага, которые Он дал ему»³. То есть и терминологически, и концептуально перед нами картина финансового отчета. Постепенно эта картина конкретизировалась в массовом сознании.

В синагогах от Пейсаха до Рош а-Шоне каждую субботу публично зачитывается по одной главе из входящего в состав Мишны трактата «Авот», причем это чтение предваряют произнесением мишны (Сангедрин, 10а), которая начинается словами: «Есть у любого израильтянина (то есть у любого еврея) доля в Будущем Мире (Олам

³ Энциклопедия иудаизма (<http://www.threedea.ru/entsciklopediya/entsciklopediya-iudaizma/xeshbon-ha-nefesh.html>).

Хабо)». Заработанная мицва увеличивает эту персональную долю, а грехи ее уменьшают. Увеличить свою долю можно, купив за деньги чужую мицву. Эти рассуждения прекрасно иллюстрирует следующий рассказ (в сокращении).

У деда Арн-Лейзера был зять, учёный человек, реб Липе. Этот реб Липе был большой бедняк, и однажды он попросил, чтобы тот дал ему какой-нибудь заработок. Дед ему сказал:

– Давай сделаем так: я тебе дам для твоей жены и детей все необходимое, а ты будешь сидеть и учить Тору. Но ты дашь мне расписку в том, что уступишь мне половину своей доли в будущем мире. Всю жизнь я, слава Богу, был простым человеком, от мира сего, а все-таки этот мир мне не принадлежит. Так пусть хотя бы будущий мир будет мне обеспечен!

Прошло несколько месяцев, но реб Липе не соглашался отдать Арн-Лейзеру половину доли в будущем мире. Арн-Лейзер уже снизил требования. Теперь он хотел половину только той доли в будущем мире, которая причиталась реб Липе за его занятия Торой, а за все прочие исполненные им заповеди – ничего.

Реб Липе с женой и детьми остались, бедняги, совсем без хлеба. Реб Липе пришёл, подавленный, к Арн-Лейзеру и сообщил, что так и быть: он согласен на его предложение.

– Ладно, – сказал спокойно Арн-Лейзер, – идём к раввину и подпишемся на всю жизнь. Я вас обеспечу как своих детей, а Липе отдаст мне свою долю в будущем мире, которая причитается ему за занятия Торой.

Реб Липе, однако, хотел подписаться на три года, а не на всю жизнь. Сошлись на пяти годах.

Пошли к раввину и составили запись о том, о чём договорились, реб Липе подписался, раввин с даяном засвидетельствовали, стороны обменялись рукопожатием и под присягой обязались: Арн-Лейзер должен содержать в довольстве реб Липе со всей его семьёй, а за это он получит половину доли в будущем мире, причитающуюся реб Липе за его занятия Торой. Реб Липе при этом должен учиться целыми днями, не делая ничего другого, и всё законно и в силе [Котик 2009, 121–122].

Формально весь договор выглядит как обычная сделка и скрепляется раввинским судом, который берет на себя обязанности нотариуса, заверяющего сделку.

Таким образом, представление о деньгах, которыми оценивается мицва, о ее цене носит не символический, а вполне реальный характер. Эта цена, как и положено, определяется на рынке – в процессе того, как продавец и покупатель торгуются. Деньги – этот, по определению Маркса, «особенный товар» – были для еврейской, сугубо городской культуры, сформировавшейся вокруг рыночной площади, действительно «всеобщим эквивалентом». Такой, отнюдь не символический, взгляд на «небесную бухгалтерию» был весьма характерен для массовой еврейской религиозной культуры.

Литература и источники

- Альтман 1995 – *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.
Венгерова 2003 – *Венгерова П.* Воспоминания бабушки. М.; Иерусалим, 2003.
Дымшиц 2000 – *Дымшиц В.А.* Грех сосчитанный, купленный и проданный. (Концепт греха в сказках евреев Восточной Европы) // Концепт греха в славянской и еврейской народной традициях / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2000. С. 106–115.
Зингер 2013 – *Зингер И.-И.* О мире, которого больше нет. М., 2013.
Котик 2009 – *Котик Е.* Мои воспоминания. СПб., 2009.
Полевой архив Центра «Петербургская иудаика» (Санкт-Петербург).
Райзе 2005 – *Райзе Е.* Семейная хроника // Архив еврейской истории. М., 2005. Т. 2. С. 9–65.
Тищенко 2013 – *Тищенко Д.* Идиш-русский словарь. Киев, 2013.

Commandment or Good Deed? The Concept of Mitzvah in the Traditions of East European Jews

Valery Dymshits

(European University at Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia)

Doctor Habilitas in Chemistry, ORCID ID: 0000-0002-1099-9917,
Researcher ID: C-2065-2016, researcher, European University
at St. Petersburg, 6/1A Gagarinskaya Street, 191187 St. Petersburg, Russia,
tel.: +7 (812) 386-76-37, E-mail: vodym1959@gmail.com

Summary: The term *mitzvah* is very significant in the traditional culture of the East European Jews. It meant a commandment when it was carried out by a pro-

fessional for money, and a good deed when the same work was performed by an “amateur” gratis. The not received fee was credited to “amateur’s” heavenly account and accumulated there. The idea of a list of sins and *mitzvot* continuously maintained in heaven gave rise to the idea of heavenly bookkeeping, a kind of personal account with income (*mitzvot*) and expenses (sins) in a monetary form.

Keywords: *popular Judaism, sins, virtues, money*

References:

Dymshits V.A. Grekh soschitannyi, kuplennyi i prodannyi. (Kontsept grekha v skazkakh evreev Vostochnoi Evropy) // Kontsept grekha v slavianskoï i evreïskoï narodnoï traditsiakh / Ed. by O.V. Belova. Moscow, 2000. P. 106–115.

Tishchenko D. Idish-russkii slovar. Kiev, 2013.